

Есенина Регина

ПЕПЕЛ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Регина Есенина

Пепел человечества

«Издательские решения»

Есенина Р.

Пепел человечества / Р. Есенина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-530124-6

Ядерная война. Мировая катастрофа, уничтожившая почти все живое на планете. Это произошло двадцать лет назад, но Земля все еще не оправилась после такого потрясения, как и люди. Сплотятся ли выжившие крупницы человечества перед лицом голода, болезни и смерти? Или у них есть еще более страшный враг?

ISBN 978-5-00-530124-6

© Есенина Р.
© Издательские решения

Содержание

Пепел человечества	6
Пролог	6
Глава 1	8
Девятнадцать лет спустя	8
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Пепел человечества

Регина Есенина

© Регина Есенина, 2020

ISBN 978-5-0053-0124-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пепел человечества

Пролог

...Небо было таким же желто-серым, как и в первый день, когда они вышли на поверхность после катастрофы. По нему плыли грязного цвета облака, и по их скорости можно было понять, что ветер там, наверху, был адский.

У них было совсем немного времени на привал, и в это время двое человек решили подняться на возвышенность, чтобы осмотреть территорию. Их взглядам открылась выжженная пустошь, простирающаяся на многие километры во все стороны.

– Мы не преодолеем такое расстояние за день, – покачала головой девушка, прикладывая бинокль к глазам. – Это открытое пространство, слишком опасно.

На равнине не было практически никакого движения, кроме нескольких костлявых собак, больше напоминавших существ, вылезших из ужастика времен до катастрофы. Гладкая кожа без единой шерстинки, белесые глаза, полные кривых гнилых желтых зубов пасти со свисающей с них слюной, выпирающий волнистой вереницей позвоночник.

Но, несмотря на их довольно устрашающий вид, люди их не опасались, это то зверье, с которым можно существовать в относительном соседстве. Другие выжившие и солдаты – вот кого действительно следовало бояться.

– Можем сделать привал сейчас, немного поспать, а равнину пересечь ночью, – предложил мужчина, поправляя сползающие очки – жест, с годами превратившийся в нервный, когда нечем занять руки.

– Да, я думаю, так будет безопаснее, – кивнула девушка, – хотя, сейчас мы всегда в опасности и подвергаемся риску обнаружить себя.

Словно в подтверждение ее слов, с подножья холма, на который они забрались, заплакал маленький ребенок – еще совсем младенец. Успокоили плач достаточно быстро, уже наученные горьким опытом.

– Пройдет совсем немного времени, как она вырастет и уже не будет так нас «подставлять», – улыбнулся мужчина.

– Я понимаю, но для меня она всегда будет малышкой, – девушка посмотрела вниз, на дочь. – Как ты думаешь, есть ли смысл у нашего пути? Мы в дороге уже год, и за это время научились выживать и скрываться, но что нам делать дальше? Провести всю жизнь так, в бегах от Государства?

Мужчина глубоко вздохнул, а потом спустил маску, прикрывающую нижнюю часть лица. Он представлял сейчас собой крайнюю степень серьезности.

– У всего в этой жизни есть смысл, – ответил он, – и у нашего пути тоже. Мы не будем бегать от Государства вечно, когда-нибудь наберемся сил, соберем информацию, подготовимся и дадим им отпор.

– Пока подготовимся и соберем информацию, силы брать будет уже неоткуда. Если сейчас мы идем на чистом энтузиазме, то что будет через год? Два? Здоровье у всех уже не то, ты ведь сам уже тоже далеко не молодой человек, – девушка всплеснула руками.

– Если мы не сможем продолжить борьбу с Государством, это сделает она, – мужчина повторил ее взгляд вниз, на младенца.

– Хочешь взвалить на моего ребенка ответственность за все человечество? – девушка вскинула брови и скрестила руки на груди. – Только через мой хладный труп, Вась.

– Нет, что ты, – качнул головой тот. – Я не это имел в виду. Понимаешь, может получиться, что она будет нашей последней надеждой на освобождение и без того потрясенного мира.

– Как же я боюсь, что ты в итоге окажешься, как всегда, прав, – вздохнула девушка, отводя взгляд и поднимая голову к небу. Облака даже не думали останавливаться, наоборот, как будто стали двигаться еще быстрее. – Как всегда, прав, – еще раз горько повторила она.

Глава 1

Девятнадцать лет спустя

– Пора в полет, бойцы, – хриплый голос полковника врезался в уши, поднимая глухое раздражение, – если выживете, быть вам воинами, а пока, – коренастый военный опустил рычаг, открывающий двери вертолета, – счастливого пути.

Витя сквозь наушники и шлем услышал вой ветра и посмотрел вниз. Под вертушкой простирались грязно-желтые облака, сейчас потемневшие, и сквозь них землю было не разглядеть даже с помощью визора. И в это предстояло прыгать?

– Он спятил, – пробормотал Череп, сидевший рядом с Витей.

Невольский толкнул товарища локтем в бок – не хватало еще, чтобы услышал полковник. У Черепкова и так хватало выговоров и дополнительных караулов из-за длинного языка, который он совершенно не умел держать за зубами, когда следует.

– Что? – возмутился Игорь на тычок друга. – Я считаю совершенно не продуктивным прыгать в незнакомую местность с нулевой видимостью в траектории прыжка, – он повысил голос, и в него тут же впился ледяной взгляд командира.

– Если что-то не нравится, сорок второй, можешь насрать в штаны и прыгать так, твое право. Что бы через тридцать секунд на этом месте не осталось никого, кроме меня и пилота. Живо! – рявкнул мужчина.

– Я не трус, – сузил глаза Черепков и, надевая маску и поправляя очки, подошел к открытой двери. – Ну что, сигаем? – с этими словами он шагнул в темноту, зажигая ракетницу.

Витя перевел дыхание, смотря, как его товарищи следуют примеру Игоря. Он прыгал уже много раз, но впервые в роли руководителя группы, состоящей не из ветеранов, а из таких же, по сути, еще зеленых парней, как и он. Из-за этого становилось не по себе от волнения за предстоящую операцию, и прыгать было даже немного... страшно? Кажется, он забыл это слово на первом же настоящем задании несколько лет назад.

– Десять секунд, тридцать третий, тебе что, нужно особое приглашение? – подстегнул его голос полковника, и Невольский вскочил со своего сидения, почти бегом преодолевая расстояние до двери в неизвестность. Где-то далеко под ногами маячили огни – ракетницы военных.

Витя сделал глубокий вдох и вывалился из вертолета в темные облака.

В заложенных ушах встала глухая тишина, нарушаемая лишь собственным дыханием. Руки плотно прижаты к телу, ноги вместе – и никакой возможности пошевелиться из-за воздушного потока. Вокруг были только темные плотные массы облаков, и Витя уже было почувствовал, что это никогда не кончится и им начинает потихоньку овладевать паника, как вдруг туман перед глазами рассеялся. Небо под облаками оказалось темным, а земля – еще темнее.

– Парашюты! – крикнула в ухе рация голосом Кости Керна, и Невольский нажал большим пальцем кнопку на перчатке.

Раздался щелчок, и за спиной распахнулся парашют – тело как будто рвануло наверх со страшной силой. Витю передернуло. Он был готов к этому, но ощущение все равно было отвратительное. Но еще хуже было ощущение неизвестности – до земли оставались считанные десятки метров, а никому до сих пор не удалось разглядеть, что ждало отряд на поверхности.

Метр за метром он пробивался сквозь туман, и только в самые последние секунды взгляду открылась картина местности. Толком не успев ничего подумать, Витя рефлекторно сгруппировался, но приземление все равно получилось жестким – нога зацепилась за какой-то торчащий из земли корень, и солдата кувыркнуло в воздухе, швыряя о землю.

– Ч-черт, – просипел Невольский, вставая и потирая руку, на которую упал.

Неподалеку послышался свист – значит, все приземлились удачно. Витя глянул на темное мутное небо – там еще остались уже еле заметные следы ракетниц. Невольский поднес к лицу вшитый в костюм на левом предплечье коммуникатор:

– База, это тридцать третий, мы провели высадку, находимся на точке. Дальнейшие действия осуществляем согласно разработанному плану.

– Так точно, солдат, – отозвался голос полковника. – Забираем вас только после выполнения всех задач.

Вдалеке послышался гул улетающего вертолета. Теперь они были предоставлены сами себе.

Витя огляделся. Туман был такой плотный, что на расстоянии вытянутой руки не было видно практически ничего, лишь темные силуэты – то ли обгоревшие деревья, то ли товарищи по службе. Один из силуэтов приблизился, обретая форму Игоря, и Невольский приветственно кивнул головой. Череп похлопал его по плечу, немного рассеивая туман своей ладонью.

– Группа, – проговорил в коммуникатор Витя, настроив на частоту остальных, – сюда.

Из тумана поочередно вынырнули Костя, Юра и Денис, держа автоматы наизготовку.

– Ни черта не видно из-за этого, – Способин помахал рукой перед своим шлемом, пытаясь разогнать белесую пелену.

– Привыкай, Дэн, – хмыкнул Игорь. – Нам сквозь это идти еще как минимум четыре километра.

– Думаете, туман не рассеется, пока мы будем приближаться к точке назначения? – предположил Дубовский.

– Вот это, Юра, мы сейчас и узнаем, – с этими словами Витя посмотрел в коммуникатор, правой рукой включая карту местности. – Идем.

Зеленая точка в правом верхнем углу экрана мерцала по сравнению с ночной темнотой слишком ярко. Направление было выбрано верное, поэтому Витя на какое-то время опустил руку, вглядываясь по сторонам, хотя никакой активности на коммуникаторе не было.

Юра был прав, и туман потихоньку расползлся. По мере его убывания все отчетливее виднелись обугленные скрюченные деревья, а кое-где между ними мелькали обломки некогда стоявших здесь небольших домиков.

Эта была настоящая израненная пустошь, которую варварски выжгли, разрушили всю жизнь на ней, не оставив ничего. Только обломки, как символ того, насколько хрупок мир и как легко, буквально по щелчку пальцев, по нажатию одной кнопки, можно его погубить.

Под ногами взбивался пепел вперемешку с землей и мелкими камнями. За столько лет он осел, постепенно начал развеиваться, но все равно должно пройти еще очень много времени, чтобы он исчез полностью. Он проникал везде – в одежду, еду, даже в штабе, где велись генеральные уборки и чистки, было не укрыться от серо-черных частиц. Пепел был повсюду, и казалось, что сейчас на планете он господствовал над всеми немногочисленными оставшимися формами жизни.

Витя помотал головой, отгоняя дурные мысли об историях двадцатилетней давности. Ему их рассказывали много, и все они сводились к одному – война уничтожила почти все живое на планете. Причины войны не раскрывались – да они были не важны в планетарном масштабе, говорили только, что все из-за напряжения между странами, которые озлобились настолько, что не смогли сдержать конфликт. Какой из нескольких крупных конфликтов именно спровоцировал войну, выяснить так и не удалось. Известно только, что бойня была недолгой, по сравнению со Столетней войной, Первой, Второй Мировой – эта длилась не больше часа, но была самой разрушающей. Теперь от планеты не осталось почти ничего. Так писали во всех учебниках периода после катастрофы, по которым учился Витя. Он родился через год после войны, и естественно, застать ее не мог, но во всей красе застал последствия.

– Да закончится эта пустошь когда-нибудь, или нет, – раздраженно выдохнул Череп, идущий рядом.

– Еще полтора километра, – сориентировался по коммуникатору Витя. – Говори тише, ночью все звуки слышатся лучше.

– Знаю, знаю, – понизил голос Игорь. – Просто слишком тут тихо, мне не по себе. Обстановка, слишком располагающая к нападению.

– Если бы на нас готовилось нападение, мы бы услышали как минимум шаги, – возразил Костя. – Или ты думаешь, что туман поглощает абсолютно все?

– Так, хорошо, а теперь тихо, – шикнул Витя, и парни замолчали. – И не нагнетайте.

Несмотря на то, что он только что сказал, Невольскому тоже было не по себе, и он вынужден был признать про себя, что Игорь прав. Место было слишком тихим и слишком безжизненным, чтобы все было так гладко, как шло сейчас. Может, это все им только мерещилось, но факт оставался фактом – расслабляться было нельзя.

Витя взглянул на коммуникатор и на отображающейся зеленой сетке не увидел ни одного движущегося объекта, кроме них, пяти зеленых точек, медленно приближающихся к цели в углу экрана.

– Сзади! – вдруг крикнул Череп.

Невольский среагировал молниеносно – обернулся как раз вовремя, чтобы отразить атаку неизвестно откуда из тумана появившегося неживого. Этот неживой еще выглядел, как человек – плоть была почти не обожжена, только желтоватая кожа повисла на торчащих костях. Уже не скрываясь, с диким воплем он кинулся на вскинувшего оружие Витю снова и тут же был продырявлен разрывной пулей Черепа прямо в голову.

– Спасибо, – кивнул Невольский другу.

– Без проблем, – отозвался Игорь, держа пистолет на изготовке. – Нужно быть осторожными, иначе погибнем все.

Витя еще раз посмотрел на коммуникатор. На экране было все так же пусто.

– У меня датчики, видать, полетели, – нахмурился парень. – Я ничего не видел, поэтому не предвидел нападения.

На него недоуменно уставились четыре пары глаз.

– То есть, как это, полетели? Наша техника не может глючить, – уверенно произнес Денис. – Может, ты просто не заметил?

Невольский хмыкнул – в их отряде именно у него были лучшие показатели на боевой подготовке и симуляторах, и на зрение и внимательность он точно не жаловался. Тем более, это было не первое его задание, и на предыдущих он показал себя с самой лучшей стороны. Просто так руководителем группы его бы не назначили.

– Нет, Дэн, – Череп покачал головой, – если Витя сказал, что ничего не видел, значит, он ничего не видел. Возможно, датчики еще не стабилизировались после прыжка с вертолета. Нужно всем проверить свои коммы.

– Главное, чтобы мы с этими датчиками не шли черт знает, куда, – сквозь шлем нахмурил брови Костя.

– И могли связаться с базой, – мрачно вставил Денис.

– В любом случае, нам нужно сейчас же уходить с открытого места, – прервал разговор Дубовский. – На крик этого неживого сейчас сбегутся все остальные в округе, и тогда нам придется вообще туго. Бегом!

На включенном коммуникаторе Черепа отобразилось шесть красных движущихся точек.

– Они приближаются, – отрывисто бросил он.

– Отходим к тем постройкам, там должно быть пусто, – скомандовал Витя, рукой показывая на почти скрытые в туманной завесе руины того, что некогда было какими-то хозяйственными постройками в десятке метров от них.

Солдаты сорвались с места, стараясь не топтать и не лязгать оружием, чтобы не привлекать еще больше зараженных на шум.

– Да, наши глушители могли бы быть и помощнее, – шепотом поделился Невольский, когда они забежали в руины и присели спиной к стенам, ожидая дальнейших действий неживых.

– Это точно, – кивнул Череп.

Витя прикинул, на сколько километров был слышен выстрел, и как сильно они сейчас будут шуметь еще. Но выбора не было – он посмотрел в экран коммуникатора и увидел, что появившиеся точки приближаются. «Почему же их раньше не было» – пронеслась мысль, полная непонимания, и стихла, потому что об этом можно будет подумать и позже.

Сейчас главным было отбиться от неживых, которых, если высунуть голову в бывший когда-то вместо дырки в обломках оконный проем, было уже видно сквозь рассеивающийся туман.

– Это будет быстрый бой, – произнес Витя, оглядывая группу. Парни кивнули. – Стреляем по команде все разом, на три, поняли? Потом прячемся, так же по команде стреляем еще.

Солдаты кивнули еще раз.

– Раз, – начал считать Невольский, сжимая автомат в руках, – два, – он уже слышал шаркающие приближающиеся шаги и кашляющее хриплое дыхание, – три!

Парни высунулись одновременно, и выстрелили тоже вместе. Трое из шести приближающихся неживых упали со снесенными разрывными пулями головами.

– Раз, – снова начал считать Витя, на этот раз уже быстрее. Они были слишком близко. – Два, три!

Теперь упали двое. Местность была чиста, больше никого не оставалось.

– Их же было шестеро, – произнес Череп одновременно с тем, как подумал об этом Невольский. В ту же секунду он кинул взгляд на коммуникатор, и успел увидеть последнюю красную точку прямо рядом с ними, прежде чем услышал вскрик:

– Черт!

Глава 2

Неживой лежал на обломках, вцепившись костлявой полу обугленной рукой в бедро Дубовского. Непонятно было, как он так быстро успел обогнуть руины, чтобы оказаться здесь, но реальность была именно такой, и теперь Юра переводил дуло автомата с окна назад – слишком медленно для неожиданно быстрого неживого, который с низким хрипом занес вторую руку.

Все замерли, услышав выстрел. Неживой скатился по обломкам, забрызгав кирпичи и куски бетона вокруг черной вязкой кровью, а Денис опустил чуть дымящееся дуло автомата. На какое-то время наступила тишина, казавшаяся совсем давящей на фоне только что отзвучавших выстрелов. Она прерывалась только громким сбившимся дыханием Юры, который, выронив автомат, теперь зажимал ногу чуть выше образовавшейся раны.

– Вот дьявол, – прошипел Дубовский.

– Лежи смирно, – Витя присел рядом, убирая его руки и осматривая пострадавшую ногу. – Тебе повезло, – вынес вердикт он, – еще чуть-чуть, и задел бы бедренную артерию.

На ляжке Дубовского красовались пять длинных глубоких рваных царапин. Чертов зараженный прорвал армейские штаны, и хорошо, что не добрался до мышц и костей, хотя был к этому очень близок.

– Костя, Дэн, охраняйте периметр. Нужно обеззаразить и сделать перевязку, – командовал Невольский. – Зашивать, надеюсь, не придется.

Парни кивнули и включили карту передвижений на коммуникаторах. Сейчас на ней были только они пятером.

– Череп, помоги мне, – позвал Витя. – Дай прибор ПМП.

Игорь снял рюкзак, расстегнул и вытащил из него небольшой прибор первой медицинской помощи, отдаленно напоминающий пистолет. Невольский вытащил нож и перерезал ненужные лоскуты штанины, затем направляя прибор на царапины и наблюдая за тем, как из отверстия выходит обеззараживающая и в то же время лекарственная смесь и начинает свое действие. Юра цыкнул и проговорил:

– Да ладно, парни, я бы и сам мог.

– Ты же помнишь, что по уставу мы не имеем права доверять тебе медицинское оборудование и оружие до того, как удостоверимся, что ты не заражен? – будничным тоном поинтересовался Витя. – Сейчас препарат очистит раны, и тогда делай все, что душе угодно.

– Но в рамках операции, – хмыкнул Череп, доставая повязку-пластырь.

– Ведь это новый вид неживых, – закатил глаза Дубовский. – Раньше они просто разрывали своих жертв, а не передавали свой вирус через кровь. Может, с их вирусом дольше останешься в здравом уме.

– Ну и что, что новый, – возразил Игорь, на шипящий на ранах препарат наклеивая повязку. – Это не значит, что этого нет, и тебя это не коснется.

– По-хорошему, мы вообще точно не знаем, как появились неживые, так что подстраховаться не помешает, – поддержал его Невольский.

Затем он достал из рюкзака шиватель и в два щелчка залатал дырку на штанах Юры. Это был его прокол, он был главным в группе, ответственным за всю операцию и за своих бойцов, и вот почти в начале их пути приключилось такое.

– Спасибо, – кивнул Дубовский, беря в руки свой автомат и опираясь на него, как на трость, чтобы подняться.

– Уходим отсюда, – убрав прибор ПМП к себе, отдал приказ Невольский, и группа, оглядываясь по сторонам, продолжила свой путь.

Витя шел и не переставал злиться на себя и коммуникатор. Почему же он, все-таки, сдох в самый неподходящий момент? Может быть, если бы они засекли первого неживого раньше, не было бы всего этого. Он украдкой посмотрел назад – Дубовский ощутимо хромал, но стойчески держался, не позволяя ставить под угрозу всю операцию. Невозможно было вызвать вертолет, он мог прилететь теперь только в конце задания. В этом и заключалась принципиальная разница, между тренировками и реальной миссией – в тренировочном зале, в поле на имитации боевых действий все могло пойти не так, и все происходящее сразу же останавливали, да, делая выговоры и награждая дополнительными часами караула, но при этом никто не умирал. Конечно, Юра еще не погиб, но с таким раскладом он был первым кандидатом на тот свет. И виноват во всем этом был Невольский.

– Смотри, – прервал поток невеселых мыслей Вити негромкий голос Черепа. – Кажется, нам туда.

Вдалеке показалось возвышение – начинались холмы, на которые предстояло забраться. Невольский нажал на кнопку коммуникатора, и карта с экрана развернулась в голографический объемный рельеф. Да, все было верно, точка, в которую они шли, находилась на возвышенности.

– Значит, мы, все-таки, на верном пути, – обрадовался Костя, да и остальные тоже положительно отреагировали на хорошую новость.

Они направились в сторону холмов, тем не менее, оставаясь начеку – если коммуникаторы работали неисправно, нужно было следить за всем, что называется, вручную.

Витя точно помнил задание, четко помнил координаты квадрата, который им необходимо было зачистить. У него даже имелись соображения, куда она направятся дальше, хотя генерал ничего не говорил об этом.

Они продвигались теперь медленнее, чем могли бы, из-за ноги Дубовского, но Невольский не мог позволить себе идти быстрее – он ощущал слишком сильную вину перед товарищем, чтобы ее затмить приказ сделать все до рассвета. Окружающая их действительность давила – небо, туман, все вокруг словно зажимало их в свои тиски, не давая двигаться дальше и даже пошевелиться.

Мимо них несколько раз проходила лысеющая собака с порванным ухом и шрамами на боку, но угрозы от нее не исходило, скорее, даже наоборот. Она как будто охраняла их, и Витя, сначала хотевший было, как положено по уставу, убить движущийся живой объект, потом решил, что лучше этого не делать. В конце концов, животных сейчас осталось, как и людей, ничтожно мало, и разбрасываться чужими жизнями, пусть даже это жизнь облезлой хромой собаки с бельмами на глазах, никто не имел права.

В детстве Витя листал старые книги, в которых было множество самых разных животных, рыб и птиц, и, если быть честным с самим собой, он плохо представлял, как бы выглядели эти существа вживую. Картинки и даже фотографии, это, конечно, одно, но реальность – совсем другое. Видеть на операциях за пределами базы мутировавших собак, кошек, иногда птиц, и чаще всего крыс, было чем-то обыденным, и не вызывало отвращения. Но изначальный вид животных был чем-то неведомым. Да, на базе были коровы, куры и свиньи, которых разводили ради молока и мяса, но их Невольский видел пару раз, и то мельком.

Тем временем, собака, в очередной раз приблизившись, обнюхала его ногу и, повернувшись, растаяла в тумане. Больше она не возвращалась.

Витя решил свериться с картой еще раз, чтобы посмотреть, не сбились ли они с пути. Возвышенности в этой местности были чуть ли не на каждом шагу, так что заплутать было очень просто. Он нажал на коммуникатор, разворачивая карту – та вроде сначала подсвечивалась ярким зеленым, показывая нужную точку и подтверждая правильность их пути, а потом вдруг начала мигать и смазываться. Пиксели изображения скакали, как сумасшедшие, в разные

стороны по своим прямым, тем самым растягивая и стягивая карту обратно, при этом искрясь и делая карту совершенно не четкой и невозможной к просмотру.

– Да чтоб тебя, – с досадой поморщился Невольский, аккуратно стуча пальцами по коммуникатору в попытке наладить изображение, но оно оставалось все таким же мигающим и нечетким.

Неужели и карта теперь полетела?

Он еще раз стукнул по коммуникатору, и на этот раз карта выровнялась, чтобы после нескольких секунд со странным треском погаснуть и больше не включиться.

– Кажется, теперь у нас точно проблемы... – протянул Игорь, глядя на безуспешные попытки Вити вновь вывести голограмму.

– Попробуй включить свой, – покачал головой Невольский.

Карта Черепа не мигала, но была еле видна, как и у остальных.

– Так, то есть, мы остались практически без датчиков движения и карт местности, – нервно подытожил Способин, когда все свернули изображения на коммуникаторах.

– Похоже, так и есть, – Витя с трудом подавил желание зажмуриться, обхватив голову руками – происходящее больше напоминало один из его слишком реалистичных кошмаров, снявшихся накануне операции из-за тревоги, но с одним главным отличием. Сейчас он не мог проснуться.

Игорь, кажется, единственный, кто сохранял хоть какое-то спокойствие и уверенность в их силах, пожал плечами:

– Ну остались и остались, все равно ведь мы знаем, что идем правильно. Неужели мы можем ориентироваться на местности и следить, чтобы на нас не напали, только по датчикам? Нас что, не обучали обходиться без всего?

В его словах была правда – Невольский вспомнил, как ставили командами друг против друга без техники и оружия, чтобы они научились находить нужные места и отражать внезапные атаки, не будучи к этому готовыми. Жизнь не подносит всю информацию на блюдечке, и сегодня они в этом в полной мере убедились.

– Мы ведь почти дошли, – продолжал Череп, – а дальше разберемся.

– Да, ты прав, – кивнул Витя, и остальные его поддержали. – Ладно, парни, идем, а то скоро начнет светать.

Действительно, вокруг сгустилась уже такая кромешная и почти что осязаемая темнота, которая бывает только перед рассветом. Единственное, на что они ориентировались – приборы ночного видения. Хотя, виден в них, в основном, был лишь плотный туман.

Через какое-то время идти стало тяжелее, они начали подниматься в гору. Это было хорошим знаком, ведь, в таком случае, они почти добрались до нужной точки. Витя оглянулся, чтобы посмотреть на Дубовского – тот стал идти еще медленнее, чем прежде, и хромать еще сильнее.

«Оставить его здесь или тогда он точно потеряется без карт?» – проскользнула в голове Невольского мысль. С вероятностью девяносто девять процентов, с холма они спустятся, как только посмотрят, как обстоят дела в квадрате, который нужно зачистить, так и зачем заставлять бедного Дубовского мучиться с его ногой и подниматься туда, откуда он спустится через пару минут. С другой стороны, спускаться они могут по совершенно другой дороге, и тогда Юра будет отрезан от них холмом, что недопустимо.

Еще минуту Витя размышлял над дилеммой, но, наконец, принял решение идти всем вместе и не разделяться. Так будет проще сохранить единую группу. Тем более, вдруг на него снова нападут неживые, и он не сможет ни сражаться с ними в полную силу, ни убежать, и просто впустую погибнет, а они с товарищами даже не будут знать, что что-то случилось, и не смогут его защитить.

Возвышенность встретила их ветром. Он был неожиданно сильным и холодным, и пробирал до костей даже сквозь комбинезоны, рассчитанные на достаточно низкие температуры. Тем не менее, ужасно дуло, и солдаты зябко поежились от неприятного ощущения холода.

С холма открывался очень любопытный вид. Даже сквозь прибор ночного видения было заметно поселение, больше напоминавшее какой-то парад хижин, построенных из палок и всего, что под руку попало вокруг трех небольших полуразрушенных кирпичных двухэтажных домов. Старые машины в качестве жилищ, каркасы из шин, натянутые между вбитых в землю кольев тряпки, и это только малая часть тех импровизированных убежищ, которые было видно. Зараженные люди пока не показывались, скорее всего, почти все они спали, в любой момент готовые проснуться и растерзать любого, кто к ним приблизится, а кто-то один или двое стояли с другой стороны руин, готовые подать сигнал тревоги. В целом же поселение вызывало только чувства бесконечной жалости и бессилия. До войны, скорее всего, эти зараженные в тех полуразрушенных домах и хижинах даже помыслить не могли, что будут жить так – непонятно в какой грязи и болезнях, скрываясь, будучи вынужденными с кровью биться за еду, и отчаянно пытаться выжить. Все инстинкты были направлены только на сохранение и поддержание жизни, теплившейся еще в этих телах, но все они уже были обречены.

Зараженных людей здесь было достаточно много, и Витя, одной рукой держа бинокль, другой сжал покрепче в нашивном на штанину кармане гранату. Их у него было с собой еще несколько, как и у остальных сослуживцев, но он предпочитал экономить боеприпасы и обходиться двумя-тремя.

– Так, план действий, – прокашлявшись от внезапно снова накатившего волнения, позвал всех Витя. – Мы сейчас спускаемся и незаметно проходим поближе, на то расстояние, с которого можно кинуть гранату, бросаем по моей команде. Лучше кидать в каждое здание, скорее всего, там больше всего зараженных, а обломки от них разлетятся и задавят остальных в менее защищенных хижинах.

Товарищи кивнули, признавая, что план вполне себе логичен.

– На случай, если выжившие, все же, будут, а я в этом не сомневаюсь, – продолжал Невольский, – так как они бывают всегда, хоть пара зараженных, на возвышенности с винтовкой останется Юра, – он посмотрел на Дубовского, и тот понимающе кивнул, – а все остальные окружают и перекроют пути отступления. – На взрывы и выстрелы сбегутся неживые, так что после того, как проверим, все ли зачищено до конца, уходить оттуда надо будет быстро. Двигаемся обратно на возвышенность, потом отступаем к ближайшему лесу.

– Так точно, – ответили парни.

– Стреляем на поражение, – напомнил Витя, и все энергично закивали.

Зараженных нужно было убивать на месте, таков приказ генерала, и они не могли не подчиниться.

В конце концов, они здесь ради этого.

– Хорошо, тогда за дело, – Невольский убрал бинокль и выдохнул. Операция началась.

Глава 3

Было даже странно, что они, будучи в полной экипировке и вооруженные до зубов, передвигались настолько быстро и бесшумно. Но факт оставался фактом, они, оставив Дубовского на возвышенности с винтовкой, стремительно почти что скатились вниз с холма и теперь бежали к поселению, не производя практически никаких звуков.

Снизу оно казалось немного больше, чем когда они смотрели на него в бинокль, у двух из трех кирпичных развалин даже были какие-никакие, дырявые, не закрывающие все полностью, местами вообще развалившиеся, но крыши. Они вырастали из земли темными угловатыми фигурами, и расположившиеся вокруг них хижины выглядели еще более убого, чем с высоты.

Подойдя на нужное расстояние к одному из домов, Витя сделал знак рукой Способину, чтобы оставался на позиции. Денис кивнул, исполняя приказ и приседая на одно колено, чтобы достать гранату. Невольский продолжил обходной путь вместе с Черепом и Костей, и они вскоре достигли вторых кирпичных руин, выглядевших более развалившимися, чем предыдущие. Здесь они оставили Керна, который так же не сводя глаз с поселения доставал гранту, готовый в любой момент заменить ее в руке на автомат и выпустить очередь по внезапно вылезшим зараженным обитателям.

Они с Черепковым продолжали путь, согнувшись и перебегая к последнему наполовину уцелевшему дому. Витя готов был молиться на то, чтобы коммуникатор сработал как надо и не заглохнул, как с картой и датчиками, именно поэтому на последней точке остановился вместе с Игорем – в случае чего, нужно будет передать сигнал через него. Облагаться с самой зачисткой было просто недопустимо. Если они сейчас все провалят и зараженные сбегут – назад можно будет не возвращаться, генерал их на кусочки порежет, и повторяя эту мысль у себя в голове, Невольский не шутил, Потапов действительно был максимально серьезен и суров, иногда даже чересчур жесток.

Он достал из нашивного кармана гранату и сжал ее в руке. Она была холодная и гладкая, конусовидной формы – Государство начало производить такие совсем недавно. Бóльший радиус действия, бóльшая ударная сила, мощнее взрыв, больше урона, такая граната могла сносить небольшие здания. Чуть больше времени до взрыва, чтобы успеть спрятаться от разлетающихся обломков, осметков и огня. Вместо кольца чеки – легко и с едва слышным щелчком слетающая крышка. Эта граната была идеальна, но в эту секунду оттягивала Невольскому руку так, как будто весила несколько сотен килограммов. От того, что сейчас произойдет, зависела вся операция.

Необходимо было максимально сконцентрироваться, и Витя прикрыл глаза. Все абсолютно так же, как их натаскивали на все это на боевой подготовке. Ничего сложного.

– Все получится, – еле слышным шепотом проговорил Череп, и это немного отрезвило Невольского.

В конце концов, он солдат, который побывал не на одном задании, и сейчас вместо того, чтобы принимать решения с холодной головой, нервничает и распускает слюни как какой-то новичок, первый раз вышедший за пределы базы и с трудом удерживающийся от того, чтобы завизжать не своим голосом и скрыться обратно в перенесшем его сюда вертолете.

Витя нажал на кнопку рации в коммуникаторе – к его величайшему облегчению, она подсветилась оранжевым, что означало, что со связью все в порядке – и тихо, но отчетливо, проговорил:

– Готовность пять секунд.

Вспотевшая в перчатке рука сжала гранату сильнее.

– Четыре. Три.

Он занес большой палец над крышкой.

– Два.

Опустил его на холодный металл.

– Один.

Надавил, и услышал тот самый тихий щелчок – крышка отлетела ему под ноги. Рядом стоящий Череп тоже сорвал чеку, и ждал последнего приказа.

– Пли.

Витя на мгновение закрыл глаза, представляя себе траекторию полета гранаты, а потом молниеносно и с силой кинул. От такого мощного импульса она на огромной скорости влетела в разбитое окно второго этажа дома, а граната Игоря на первый.

У них было всего восемь секунд, чтобы, не задерживаясь, как можно быстрее отбежать на относительно безопасное расстояние, и они им воспользовались, сорвались с места, услышав при этом чей-то вскрик внутри дома.

Как только они упали на землю в пепел, прикрыв головы руками, прогремели четыре взрыва одновременно, звучащие, как один, а за ними послышались дикие крики и грохот – дома рушились. Обломки, к счастью, пролетели мимо Невольского и Черепкова, так что они вскочили, подняв автоматы и готовясь стрелять.

На месте убежищ вперемешку с взметнувшейся пылью и пеплом в воздухе полыхал огонь. Кирпичные дома продолжали рушиться, действительно падая на хижину под своими стенами. Жестокий план Вити претворился в жизнь как нельзя точно.

Невольский, прищурившись и ни на секунду не теряя концентрацию, оглядывал место взрыва – еще немного, и оттуда должны были начать выбегать выжившие зараженные.

Так и получилось, буквально через несколько секунд после этой мысли Вити из пелены дыма и пыли показался мужчина в лохмотьях. Он дико кашлял и махал перед собой руками, как будто пытаясь отогнать наваждение. Невольский прицелился ему прямо в желтоватую клоками лысеющую голову с темными синюшными провалами вместо глаз, и, ни секунды не раздумывая, выстрелил. Мужчина, последний раз нелепо взмахнув руками, упал замертво рядом со своей головой, секундой ранее превратившейся в кровавую слегка подпаленную кашу.

Череп рядом тоже не отставал – выстрелил в еще одного зараженного, а потом снова, в неизвестно откуда взявшегося неживого. Неужели они стали появляться на месте бойни так быстро?

Невольский огляделся по сторонам – нет, на горизонте не было видно больше никаких мутировавших тварей, значит, этот неживой просто оказался не в то время и не в том месте. Для него, конечно, а не для солдат, простреливших ему череп разрывной пулей.

Из пожара выбежала какая-то костлявая женщина с обвисшей кожей, держа что-то в руках. Витя уже прицелился было, чтобы выстрелить и тоже снести ей голову, но вдруг понял, что прижимала она к себе не просто кучу тряпиц, а младенца.

Рука Невольского дрогнула – он знал, что зараженные могут рожать детей, и некоторые даже каким-то образом выживают, в большинстве своем становясь уродцами, но есть и те, которые похожи на обычных людей. А вдруг этот младенец вырастет в человека?

С другой стороны поселения прогремели выстрелы, и Витя встрепенулся. Не время было размышлять, нужно было действовать, и срочно. Стараясь не приглядываться особо, он пустил пулю почти наугад, не промазал конечно, но и удовлетворения от того, что убил мать сквозь голову ее же собственного ребенка одним выстрелом, не получил.

Долго размышлять об этом не пришлось, потому что выбегали все новые и новые выжившие, которых Невольский уже так пристально не разглядывал. Оставалось только стрелять и смотреть, как они падают, и вместе с этим продвигаться ближе к месту взрыва. Необходимо было проверить, не осталось ли кого-то в живых. Судя по тому количеству зараженных, кото-

рых они уже перестреляли, вряд ли кто-то остался там, но не перепроверить это было недопустимо.

По мере приближения Витя чувствовал, как становится все теплее, и когда они с Черепом вошли в облако, стало уже совсем жарко. Невольский моментально вспотел под комбинезоном, и поежился – чувство было не из приятных, тем более, когда ты в полной экипировке и даже сквозь респиратор тяжело вздохнуть. Однако, отвлекаться на мешающие ощущения ему не позволило время, и он, все время оглядываясь по сторонам и переводя дуло автомата с одной точки на другую, шел впереди Черепа, петляя между обломками развалившихся до конца домов и валяющихся теперь везде наполовину раскрошенных кирпичей.

Из-под руин то тут, то там, выглядывали обугленные конечности, и Витя не видел смысла разбирать завалы, чтобы добывать их владельцев. Без какой-либо помощи они скорее умрут сами, а облегчение их участи времени группе точно не сэкономит.

В дымной пелене показались знакомые фигуры – Костя и Денис.

– Мы осмотрели остальную половину квадрата, – проговорил Способин. – Кого надо, добили.

– Значит, уходим, – кивнул Невольский, и только развернулся, чтобы повести группу обратно на возвышенность и соединиться с Дубовским, как вдруг заметил какое-то движение за давно проржавевшим и пошедшим трещинами кузов автомобиля слева в паре метров от себя.

Он поднял руку вверх, и двинувшаяся было за ним группа застыла с поднятым оружием. Витя сделал шаг влево, пытаясь рассмотреть, кто был за кузовом, и остановился. Это был ребенок.

Мальчик лет девяти, худой, с обвисшей на тонких костях пожелтевшей кожей, с раной на голове. Невольский смотрел на него во все глаза, и даже сделать ничего не успел, как ребенок с жутким воем достал откуда-то из-за пазухи нож в запекшейся крови и бросился вперед, на стоявшего к нему ближе всех Игоря.

Реакция сработала молниеносно, и крик оборвался так же внезапно, как и начался, а мальчик упал в пепел по частям – разрывная пуля перешибла его невозможно худое тело пополам.

Витя несколько секунд смотрел на свои руки, пытаясь осознать, что это сделал он, но потом тряхнул головой и хрипло повторил сказанное ранее:

– Уходим.

Теперь здесь точно не осталось никого живого.

Дубовский ждал их на возвышенности, сидя на земле и опираясь на винтовку.

– Все прошло успешно, – подытожил он. – Мы справились.

«Можно было бы сказать, что мы справились, если бы с твоей ногой все было в порядке» – хотел было ответить Витя, но не стал, и вместо этого произнес:

– Да, кажется, справились. Нужно доложить командиру и получить координаты следующего квадрата.

Он поднес коммуникатор ближе к лицу и уже собирался говорить, нажав на кнопку соединения, но увидел, что она не подсвечивается.

– База, прием, – все же, попытался он. – База, вы слышите меня? Полковник?

Коммуникатор ответил молчанием.

– Да что же это... – бессильно выдохнул Невольский. Неужели и связи теперь тоже не было? – База! База, ответьте! Мы завершили этап операции, зачистили квадрат, база!

Товарищи стояли рядом, словно языки проглотили. Они знали, что связаться с базой можно только по коммуникатору главного в группе, потому что за ее пределами сигнал был все еще после стольких лет после катастрофы не стабилен, и проще было направлять его на одно

устройство, а остальные координировать между собой на небольшом расстоянии. Но так просто коммуникаторы не отрубались, никогда.

Витя опустил руки с автоматом и посмотрел за спины товарищей на полыхающие развалины.

Пламя рвалось в рассветное небо, которое уже окрасилось в привычный серый цвет. Оно трещало и совершенно не хотело угасать, наоборот, кажется, лишь разгоралось. Невольскому подумалось, что точно так же горели сейчас все его надежды на успех их операции.

– Уходим к лесу, – наконец, произнес он. – А там будет видно, что делать дальше.

***

Он сидел на своем рюкзаке и вспоминал.

Первая его операция, первая высадка за пределами базы. Это было где-то на побережье континента – было темно, влажно и холодно.

Когда они высадились, была глубокая ночь, поэтому пришлось использовать приборы ночного видения. Все вокруг окрасилось в зеленоватый цвет, и сквозь спины сослуживцев и главного в группе он увидел какую-то длинную полосу.

– Все после, – жестко сказал командир, уловив его взгляд.

Они справились с заданием блестяще, без шума и пыли, зачистили все, как приказал генерал, и были свободны. Вертолет должен был прибыть через каких-то полчаса, и группа выжидала.

Витя все смотрел в сторону той полосы, и не мог разглядеть, что же там, все-таки, было. Пустошь?

– В радиусе двух километров все чисто, – вдруг услышал он голос командира и обернулся. Тот смотрел на него сквозь стекло шлема. – Можешь отлучиться, у тебя десять минут.

Во взгляде бывшего солдата помимо обычной жесткости неожиданно появилось понимание. Конечно, он не мог не видеть, как любопытно было молодому бойцу увидеть что-то, о чем он раньше только читал.

Витя благодарно пробормотал «так точно, спасибо» и, не обращая внимание на недомысленные и даже немного насмешливые переглядывания сослуживцев, побежал в сторону той полосы. По мере его приближения все больше чувствовалась влажность, а под ногами вяз песок. Наконец, он стал близок настолько, что мог разглядеть – это была не пустошь, ведь пустошь не могла двигаться. Когда Невольский подбежал совсем вплотную, вдруг, словно дожидаясь его все это время, выглянула луна.

Витя застыл, потрясенный тем, что было у него перед глазами. Это был океан. Самый настоящий водный простор с попеременно набегающими волнами и рябью, искрящейся от блеклого холодного лунного света. Ветер поднимал брызги, не долетающие до стоящего в оцепенении Невольского, а плескавшиеся обратно в воду. Волны то набегали на берег прямо ему под ноги, то сходили на нет, возвращаясь обратно в океан, который поглощал эту волну следующей. Точно так же, как эта следующая волна пожирала предыдущую, чтобы выброситься на берег, еще дальше, пожирало Витю восхищение перед величием стихии. Он заворуженно наблюдал за пузырьками образующейся на гребнях пены, и только наклонился, чтобы потрогать воду пальцами, как вдруг понял, что нельзя.

Величественный океан, когда-то давно описывавшийся в книгах как голубая водная гладь, был серым, а пена, маскирующая свой цвет в свете луны – желтоватой. Он знал, что почти вся вода в мире была отравлена, и это сделали люди.

Невольский, наконец, оторвал глаза от воды, и посмотрел по сторонам. Весь берег, насколько хватало возможности увидеть, был усеян лопнувшими ракушками и костями много лет назад выброшенной на берег рыбы и морских обитателей. А сколько еще мертвых животных и рыб плавают в отравленной радиацией воде, когда океан сначала выбросил их на поверхность, а потом, лизнув берег волной, забрал обратно? Некогда прекрасный голубой океан пре-

вратился в кладбище его безгласных и ни в чем не повинных обитателей, которых убила горстка людей, нажавших на несколько кнопок ядерного оружия уже почти четверть века назад. И так эти люди поступили со всем миром.

Витя попятился, только теперь чувствуя, как хрустят под ногами смешавшиеся с песком кости. Все это было настолько страшно и больно, что затмило даже прилив адреналина на только что завершившейся операции и восхищение перед бесконечной водной гладью. Это был акт зловещего торжества человека над стихией, настолько жуткий, что перехватывало дыхание. Люди не имели права так поступать.

Но даже стоя перед отравленной бесконечностью, Невольский все равно ощущал себя крохотной букашкой рядом с чем-то за пределами человеческого познания. Даже давно умерший океан представлял собой нечто, способное смести людей без особого труда, и это не могло не заставлять сердце биться быстрее.

Со всеми этими потрясениями и раздумьями, Витя спохватился, смотря на часы – у него оставалось две минуты до того, как закончится его свободное время. Он последний раз кинул взгляд на воду и, развернувшись, поспешил к своим.

– Ну и как? – насмешливо спросил его кто-то из группы.

Витя смотрел на него и не знал, какой ответ будет правильным. Да и есть ли он вообще?

– Океан прекрасен, но то, что сделали с ним люди – самое жуткое преступление, – наконец, проговорил он.

Солдаты переглянулись, явно ожидавшие услышать что-то другое. Командир, слушавший этот короткий обмен репликами, удовлетворенно кивнул.

Невольский был благодарен ему за возможность увидеть и понять что-то фундаментально новое для себя. В этом и заключалась роль старшего в группе – не только координировать и направлять, получая приказы напрямую из кабинета генерала на базе, но и давать солдатам возможность изучать и исследовать, если позволяют время и возможности.

Был ли Витя хорошим командиром группы сейчас?

Да черта с два.

И он совершенно не представлял, что ему делать дальше.

Да, это было первое его задание. Но провалить его с таким треском, это надо было еще постараться. И дело было даже не в переставшей работать технике, а в том, что, кажется, Невольский сделал все, что мог, чтобы угробить и себя, и своих друзей. Если бы он не спас Черепа в последний момент от этого злополучного зараженного мальчишки, от чего бы умер Игорь – от самого лезвия ножа, или от бактерий на нем?

Он вздохнул и вытащил из нагрудного кармана белый хлопковый платок, поднося его к глазам и всматриваясь в переплетения волокон ткани. Он достался ему от отца. Папа Вити, к сожалению, погиб на одном из боевых заданий, но до этого успел передать ему этот платок.

– Сынок, – сказал он тогда, перед самым вылетом, – это мой платок, сохранился еще с времен до катастрофы. Он может однажды спасти тебе жизнь. Используй его как белый флаг, но только в самом крайнем случае, хорошо?

– Хорошо, – кивнул тогда еще мальчишка Невольский, благоговейно принимая из рук отца кусок белой ткани.

Именно в ту злополучную операцию мужчина и погиб, и Витя до сих пор помнил ту боль, которую ощутил, когда увидел, что в числе вернувшихся нет не только других солдат, но и его папы. Этот платок – одно из немногих сохранившихся вещественных воспоминаний о нем, и Невольский с того дня брал его на каждое задание. Так его отец всегда был с ним.

– Эй, – к нему подсел Игорь. – Выглядишь отвратительно.

– Спасибо, – скептически отозвался Витя. – Поддерживать ты мастер.

– Нет, серьезно, братан, я тебя таким года три уже не видел, – не отставал Череп. – С тех пор, как на тебя тогда наехал генерал при всех, так даже тогда все было не так плохо.

Невольский хмыкнул, не желая вспоминать, как опустил и буквально смешал его с грязью генерал тогда. Это было самое унижительное, что когда-либо с ним случилось, и он упорно пытался вытолкать эти воспоминания из головы, особенно когда они пытались проникнуть в мысли и воспроизвестись подсознанием перед тем, как парень пытался заснуть.

– Я в норме, – устало ответил он, наконец.

– Ну да, конечно, – хмыкнул Игорь. – А это что такое? Белый флаг?

– Для призыва к прекращению боевых действий или признанию, что сдаюсь, – отозвался Витя, складывая платок вчетверо и убирая обратно в нагрудный карман.

– Да я в курсе, что такое белый флаг, – Череп приподнял бровь в недоумении. – В курсе.

Витя цыкнул, вспоминая, что учились и боевую подготовку они проходили вместе, и раздраженно сказал:

– Лучше проверить, что там у Юрки, чем сидеть тут со мной.

Череп покачал головой, понимая, что грубит друг не со зла, и бросил, поднимаясь:

– Переставай хандрить, мы ведь ждем указаний от полковника, что бы с твоим коммуникатором там не случилось. Наша операция еще не провалена.

Витя глянул на него исподлобья, и резко поднялся. Хотелось дернуться и уйти, но он понимал, что с такой реакцией будет выглядеть как маленький обиженный ребенок, поэтому он пару минут просто постоял, как истукан, обдумывая, что же делать дальше.

Вдруг его взгляд уловил какое-то движение где-то глубоко в лесу.

– Череп, – тихо позвал он. Всю подавленность как рукой сняло, оставляя напряжение и начинающий бурлить в крови адреналин от осознания, что что-то может быть неладно.

Друг, судя по всему, уловил перемену настроения Невольского, поэтому тут же подошел. Выглядел он встревоженным.

– Что случилось? – так же почти шепотом переспросил он, кладя руку на предохранитель автомата.

– Мне показалось, что в лесу кто-то есть, – ответил Витя. – Я пойду на разведку, а вы никуда не уходите, что бы ни случилось.

– Но... – попытался возразить Игорь, но был перебит сердитыми словами:

– Это приказ.

Оставив недоумевающих и напряженных сослуживцев с оружием на изготовке возле их импровизированного привала, Невольский выдохнул и направился в чащу леса. Вернее, то, что от нее осталось.

Деревья сомкнули над ним свои черные костлявые пальцы, а ветви цеплялись за куртку, как будто нарочно хотели задержать и предостеречь от того, что скрывается за их массивными черными стволами.

Когда Витя подумал, что уже устал продирается сквозь обугленные ветки, он выбрался на опушку. Она ничем не отличалась по степени своего выгорания от остального леса, и Невольский одновременно и облегченно, и разочарованно, вздохнул.

Значит, ему все показалось, и никто здесь не шевелился. Может, просто порыв ветра сдул надломившуюся от времени ветку, и она спланировала на землю, или же, стукнувшись о ствол, скатилась вниз. В любом случае, это был всего лишь ветер. Можно было возвращаться обратно к товарищам.

Вдруг сзади него что-то громко треснуло.

Витя оглянулся. Сзади него стоял в тени деревьев чей-то темный огромный силуэт. Невольский молниеносно потянулся к автомату на плече, снимая его и наводя на неизвестного. Вдруг посреди фигуры сверкнули бликами два белесых глаза, и послышалось глухое рычание.

Невольский мягко опустил палец на курок и беззвучно выдохнул, чтобы в случае выстрела не промазать. Силуэт задвигался и очень медленно вышел из-за деревьев, треща сухими корнями. Вите понадобилась всего какая-то доля секунды, чтобы понять, что перед

ним не кто-нибудь, а самый настоящий бурый медведь, как в редких сохранившихся печатных энциклопедиях. Вот только медведь не обычный, а пострадавший от радиации, как и практически все за пределами базы на многие десятки тысяч километров.

Шерсть у животного повывлезала почти полностью, за исключением нескольких не очень больших клоков на худых боках и загривке. Широкие лапы заканчивались массивными когтями, разительно отличавшимися по размеру от фотографий в книгах. Тело было поистине огромным, испещренным страшными порезами, где-то уже зажившими, а где-то достаточно свежими. Даже морду пересекали несколько красных отпечатков когтей – эти рваные раны проходили через и без того полуслепые глаза, но даже будучи незрячим, медведь ориентировался по запаху, открыв при этом пасть, заполненную зубами уже наполовину.

– Ох, черт... – еле слышно выдохнул Витя, делая несколько медленных беззвучных шагов назад.

Медведь остановился, принохиваясь.

Невольский понял, что пора бежать, если он не хочет сейчас же быть разорванным на куски. Когда-то он читал, что можно притвориться мертвым, но абсолютно не был уверен, что это сработает с медведем-неживым.

Тем временем, животное, кажется, точно почуяло Витю, и тот развернулся на сто восемьдесят градусов, срываясь с места так быстро, что кинувшемуся следом медведю прилетело в нос пеплом – что, кстати, немного затормозило его и дало парню хоть какую-то фору.

Нужно было срочно найти какое-нибудь дерево, на которое он сможет и, самое главное, успеет забраться, пока его не настигли. Он петлял между обгоревших стволов, слыша сзади казавшееся сейчас оглушительным хриплое дыхание зверя. Видимо, медведь был не настолько голодным и разъяренным, чтобы превратиться в настоящее чудовище, неуловимо быстрое и неумолимо сильное.

Витя не знал, сколько они бежали так, но через какое-то время он, все-таки, почувствовал то, что так боялся почувствовать – усталость. Да, в моменты, когда твоя жизнь висит на волоске и зависит только от того, насколько быстро ты бежишь, об усталости как-то не думается, но любой организм имеет предел – и, видимо, сейчас настал предел Невольского. Медведь-неживой за ним, судя по звуку, не отставал.

– Вот же, – почти задыхаясь, сам себе досадливо произнес сквозь громкое дыхание Витя.

Придется стрелять. Он так не хотел этого – выстрелит он раз, два, и неживые тут же сбегутся на шум, равно как и мелкое зверье сбежится урвать кусочек от его еще не остывшего тела, если медведь его, все же, нагонит. Последняя мысль, все же, побудила его действовать, поэтому он на полном ходу развернулся, проезжаясь ногами по земле и снова взметая пепел, и практически наугад выстрелил.

Дикий рев возвестил о том, что Витя даже не промазал – попал в плечо зверя. Медведь резко остановился, разворачивая морду и пытаясь ткнуться в место, где две секунды назад было его плечо, а теперь зияла огромная полная черной вязкой крови рана, буквально дыра, от разрывной пули Невольского.

Витя, воспользовавшись заминкой, навел прицел как положено, и в этот раз не промахнулся – пуля вошла аккурат между глазом и ухом, превращая голову зверя в одно сплошное мясное месиво.

– Так-то, – удовлетворенно хмыкнул солдат, подходя к дергающейся еще в судорогах туше. Хотел было отрезать кусок мяса, но потом, все же, передумал – не особо хотелось рисковать и есть что-то явно давно отравленное. И, может быть, яд давно вышел из организма животного, но от контакта с зараженной почвой, водой и воздухом, это все могло вернуться.

«Ну, паек у нас еще все равно остался», – подумал про себя Витя, и тут, на слове «нас», до него дошло.

Он понятия не имел, где очутился, после дикой погони по неизвестной территории, еще и похожей друг на друга своим незатейливым ландшафтом как две капли воды. С рюкзаком и оружием, но с отключенным коммуникатором, который вообще уже можно было выкинуть за ненужностью.

Невольский перевел дыхание. Мышцы ныли после долгой погони, а легкие как будто раскалились до предела, и каждый вдох давался с трудом. Стоило успокоиться и подумать, что же делать дальше, пока не набежали неживые. Лес пока оставался безмолвным – но надолго ли?

И слышали ли выстрелы Игорь, Костя, Юра и Денис? Пошлют ли кого-нибудь за ним? Хотя, черт, нет, конечно, он же сам приказал оставаться на позиции, что бы ни случилось. В голову снова закрались горькие мысли, отравляющие сознание точно так же, как тогда, когда он впервые заметил движение в чаще – это он должен находить потерявшихся по пути, это он должен был следить, защищать, знать все шаги врагов наперед. А что в итоге? Его коммуникатор полетел сразу же после высадки, из-за этого ранили солдата и было спровоцировано незапланированное нападение, он сам умудрился потеряться и чудом остался в живых, а теперь стоит неизвестно где и посыпает голову пеплом. Хороший из него получился командир группы, ничего не скажешь.

Да генерал просто в ужас придет, когда узнает, как он провалил задание!

Хотя, почему сразу провалил, пришло в голову возражение. Квадрат-то они зачистили? Зачистили. Всех, кто был там, убили? Убили. К целям практически не приближались, да и не хотелось подпускать к себе этих недолюдей. Отвратительных зараженных, со свисающей с ребер желтоватой кожей и диким взглядом, которые готовы были разорвать любого, кто к ним подойдет, обобрат и выпотрошить.

Они не знали, какое задание будет следующим, но, судя по всему, из-за отключившейся техники они его не получат. Можно только отправить экстренный сигнал SOS с одного или нескольких коммуникаторов боевых товарищей, да и то, если Витя выберется из леса и найдет их. Если.

Невольский медленно переступил на ногах по кругу, оборачиваясь во все стороны, чтобы не допустить нападения со спины. И сделал он это очень вовремя – в глубине деревьев показались фигуры неживых.

– Да чтоб вас всех, – поморщился Витя, поднимая автомат. Опять стрелять.

Нужно было, конечно, подпустить их ближе и расправиться в ближнем бою ножами, чтобы не стрелять лишний раз и не привлекать внимание еще большего количества неживых. Но времени было мало, а этих тварей – на вид достаточно много, поэтому подпускать их к себе было небезопасно. Они просто растерзали бы его прежде, чем он отбил хотя бы от одного из них. Оставалось только стрелять.

Первый выстрел свалил наповал только одного неживого, но меньше их не стало. Они все пребывали и пребывали, как будто вырастали из-под земли, и хоть были они пока достаточно далеко, в их силах было совершить бросок и оказаться совсем рядом.

Витя выстрелил еще раз, и еще. Упали уже двое.

Если так продолжится – у него просто не хватит патронов, да и времени на перезарядку. Черт, черт! Он выстрелил еще несколько раз, и неживые в первых рядах упали с взорванными головами. На долю секунды Невольскому показалось, что уничтожилось больше тварей, чем было выстрелов, но долго размышлять об этом просто не было времени.

Витя попятился, перезаряжаясь, и вдруг понял, что ноги едут куда-то вниз, и под ними ничего нет. Он оглянулся, чтобы увидеть, как с огромной скоростью приближается к нему земля, а потом понял, что падает. Неужели это...

Он почувствовал удар по затылку, и в ушах приглушенно зазвенело. И все вокруг вдруг померкло.

Глава 4

...Ужасно болела и кружилась голова. Это было так странно – когда ты лежишь с закрытыми глазами, и все равно как будто раскручиваешься на карусели, вроде тех, что были на рисунках в сохранившихся немногочисленных детских книжках.

Он не открывал глаз, будучи совершенно не готовым к тому, что мог увидеть. Он не знал, где он, что произошло и что стало с оставшимися неживыми. А может, он просто умер и попал в рай? Хотя, судя по тому, как сильно болела голова, это был, скорее, ад.

– У тебя дыхание меняется, когда ты просыпаешься, – вдруг раздался откуда-то неподалеку голос, неожиданно женский.

Это было так внезапно, что Витя даже вздрогнул и распахнул глаза. Его взгляд уперся в низкий серый каменный потолок, на котором мелькали отсветы разведенного пламени.

Невольский медленно повернул все еще кружащуюся голову на предполагаемый источник звука, и столкнулся глазами с сидящей по-турецки на подобии стула за столом незнакомой девушкой. Она выглядела очень худой, бледной, но совершенно не болезненной и безумной, вроде тех, кого они зачистили накануне. У нее были светлые волосы до плеч с челкой, спадающей на светло-голубые глаза, особенно сильно выделявшиеся на лице из-за синяков под ними, которые превращали их в сине-фиолетовые провалы. Девушка опиралась локтями на стол, а ладони свела в замок, опустившись на него носом.

На ней были почему-то солдатские ботинки, темные штаны с огромными карманами везде, где только можно и нельзя было их пришить, кофта и в меру грязная куртка.

– Кто ты? – закашлявшись после долгого молчания, спросил Витя.

– Это я должна спрашивать тебя, кто ты, – ответила девушка. – Хотя, это и так понятно, – хмыкнула она. – Солдат Государства. Как зовут-то тебя хоть?

– Витя, – оторопело отозвался Невольский. – А тебя?

Девушка помедлила.

– Настя, – наконец, произнесла она.

– Где я? – парень приподнялся на локтях, поморщившись от боли в голове и оглядевшись. – Что это за место?

Настя проследила за его взглядом, пожимая плечами, как будто очевидный ответ лежит на поверхности.

– В моем убежище. Ты здорово стукнулся головой о какой-то корень, когда упал в яму, и я на самодельных носилках перетащила тебя сюда после того, как перебила тех мутантов.

– Кого?.. – переспросил Витя, перебивая.

– Му-тан-тов, – любезно повторила девушка, явно раздражаясь, что ее прервали. – У вас они как-то по-другому называются? Или ты просто не знал, кому головы отстреливаешь?

– Они называются неживые, – просветил ее Невольский. – Постой, ты перебила их... всех? Их же там была толпа.

– И эту жалкую кучку ты называешь толпой? – Настя вздернула бровь. – Похоже, ты никогда не был в городах, там ими все просто кишит. М-да, у вас в Государстве же вроде все нормально было с подготовкой.

– У нас и есть все нормально, – немного оскорбленно нахмурился Витя. – Многоуровневая программа военной подготовки...

– Да-да, именно поэтому ты, не осмотревшись на местности, стал отступать прямо в пустоту, – девушка хмыкнула. – А если бы это была одна из моих ловушек, и ты попал бы на торчащие из земли колья? И вообще, вы же по одному не ходите, где ты оставил своих товарищей по несчастью?

Невольский пытался скрыть недоумение, обуревавшее его от всего происходящего.

– У меня коммуникатор отрубил полностью, и я потерялся, спасаясь от медведя, – признался он. – С техникой что-то с самого начала операции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.